УДК 321.01:303.446

DOI: 10.21779/2500-1930-2017-32-4-151-160

А.А. Саидов

Отток русских из городов Дагестана: причины и последствия

Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; aaidta@mail.ru

Статья посвящена исследованию актуальной для современного Дагестана многофакторной проблемы оттока русского населения из городов республики. Анализируя стратификационные изменения социально-этнической структуры городов, негативные социокультурные, экономические, правовые процессы, объективные и субъективные факторы, приведшие к резкому снижению социально-политического статуса русского населения, вызвавшие его массовый отток, автор делает вывод, что всё это стало результатом этнически мотивированной, продолжающейся многие десятилетия, властно-управленческой деятельности дагестанского руководства. Показана исторически позитивная объединяющая роль русского населения республики, приносившего межнациональный мир и прогресс. Прослежена динамика количественного состава русских в городах и её связь с социально-экономическим развитием республики. В работе также обосновывается невозможность формирования в дагестанском обществе без активного участия данного сегмента социальной структуры общероссийского гражданского самосознания, опирающегося на осмысленные образы общей исторической, социально-политической судьбы автохтонных народов Российской Федерации.

Ключевые слова: *приоритеты национальной политики, русский вопрос, общероссийское гражданское самосознание, этническая преступность, этноджамаатская солидарность.*

Анализ социально-экономических, политико-культурных причин и факторов массового исхода в постсоветские десятилетия из Дагестана русского населения упирается, в первую очередь, в необходимость исследования проблем, связанных с их оттоком из дагестанских городов. Как отмечает Л.А. Фадеев, «...использование аналитического инструментария, разработанного для исследования городского уровня деятельности больших групп людей, влиятельных организаций и институтов, даёт широкий диапазон для теоретических обобщений и делает исследование власти более ёмким» [1]. Данный подход к изучению вопроса обнаруживает, что появление большинства городов в Дагестане было связано с присоединением его к России. Города европейского типа (за исключением г. Дербента) зарождаются в Дагестане в середине XIX века. «В этот период основу городского населения составляли русские: к 1913 г. на 42,5 % городское население Дагестана состояло из русских» [2]. Появление новых городов: Темир-Хан-Шуры (Буйнакск), Петровска (Махачкала), развитие промышленности, обустройство морского порта в Петровске, рост строительной отрасли, постройка в Дагестане Петровской ветки Владикавказской железной дороги на рубеже XIX–XX веков привели к притоку русского населения в Дагестан. В основном прибывали квалифицированные специалисты (инженеры, рабочие и т. д.) из центральных губерний империи. В это время, шло интенсивное социально-экономическое развитие дагестанских городов. «К концу XIX – началу XX в. русские составляют около половины городского населения Дагестанской области. Именно русские наряду с азербайджанцами, персами, горскими евреями, кумыками, армянами были ядром, вокруг которого формировалось городское население Дагестана» [3].

До 60-х гг. количество русских в городах постоянно увеличивалось. Например, в Махачкале – столице ДАССР русские составляли в это время более 60 %, в промышленном Каспийске почти 70 %. К началу 60-х гг. общее количество русских в Дагестане достигло 213,8 тыс. чел., что равнялось 20,1 % от общего количества населения республики. Это было связано с тем, что именно русские практически с нуля создавали в Дагестане промышленность, систему образования, здравоохранения, учреждения культуры, объекты военно-промышленного комплекса и т. д. [4]. В дальнейшем доля русского населения в городах, в Дагестане в целом, постепенно сокращалась. Одной из причин данного процесса, по мнению автора, явились изменения персонального, этнического состава дагестанского руководства.

История вопроса показывает, что в имперский, советский довоенный, послевоенный восстановительный периоды доля русских в дагестанском руководстве была значительной, и они оказывали решающее влияние на формирование социально-экономических приоритетов развития Дагестана. Однако начиная с середины 50-х гг. в нём стали преобладать представители народов, расселённых в горных районах. С этого времени горское большинство в руководстве, их этнические представления и интересы, став основополагающим мотивом, трансформировались в практическую деятельность органов власти и управления, превратились в доминирующие социально-экономические подходы к развитию Дагестана. Они недооценивали роли городов в социально-культурном развитии республики, не до конца понимали особенности инфраструктурного функционирования городской жизни. Произошла переориентация нового руководства на интересы горных районов, своих национальностей. В Кизлярском, Тарумовском районах начали отчуждать земли традиционного обитания русских в пользу этих районов под предлогом создания отгонного животноводства.

Со временем это привело к сокращению представительства в органах власти и управления, ущемлению интересов некоторых народов (русских, кумыков, лезгин, ногайцев, азербайджанцев и др.), столкновению интересов горных и равнинных районов. Жители горных районов вопреки желанию местных аборигенов стали массово переселяться на равнину. Что в свою очередь вызвало отток из городов, земель традиционного расселения (Кизлярский, Тарумовский районы) русских, коренного равнинного народа Дагестана, резко снижая возможности создания республиканской динамично развивающейся экономики. Данные процессы, ведущие к сокращению русского населения, явились естественной проекцией в социально-политическую жизнь дагестанского общества закономерностей функционирования традиционных горных обществ, в социально-самоидентификационной матрице которых этноджамаатский компонент (в виде этнической солидарности) играет доминирующую роль.

Мотивационно-ценностным основанием такой, ущемляющей интересы русского и других равнинных народов политики явилась гипертрофированная этническая субсидарность данного руководства к своим соплеменникам. Анализируя перечисленные негативные процессы и явления, К. Казенин, авторитетный исследователь социально-экономических проблем Дагестана, старший научный сотрудник Института экономической политики им. Е. Гайдара, отметил, что такие горные районы, как Гунибский, Хунзахский, Левашинский, выходцы из которых доминировали в партийно-хозяйственных, управленческих структурах республики, получали огромные площади сельхозугодий в равнинной части республики. Очевидно, что получение горными районами земель на равнине считалось для них огромным благом, и в приоритетном порядке ими наделялись районы, пользовавшиеся покровительством властей [5]. Данные процессы совпадают по времени с назначением на должность первого секретаря Дагестанского обкома

КПСС А. Даниялова (аварца по национальности, выходца из Гунибского района). С его приходом к власти начался процесс количественного роста представителей данной национальности в партийных, государственных, хозяйственных органах и управленческих структурах всех уровней в Дагестане. Были созданы неравные условия при приёме на руководящие должности для представителей других национальностей, в том числе русских, в системе высшего образования республики были незаконно утверждены льготные условия поступления в высшие учебные заведения для абитуриентов из районов расселения соплеменников первого руководителя. В результате чего резко выросло число студентов данной национальности. Тогда как выпускники городских школ, в большинстве своём русские, воспитанные в городской социокультурной среде, были вынуждены выезжать для поступления в вузы в другие регионы страны. И никто из них после окончания учёбы не возвращался в родные города. Поскольку трудоустривались в городах в первую очередь теперь также выпускники дагестанских вузов – выходцы из горных районов, отказывавшиеся возвращаться в свои родные сёла после окончания учёбы. Данными мерами дагестанское руководство разрушило процесс воспроизводства русского сегмента в социальной структуре дагестанских городов.

Анализируя перегибы дагестанского руководства в сфере межнациональных отношений, роль русского населения в жизнедеятельности республики, известные дагестанские учёные А.Г. Агаев и Р.М. Магомедов в совместной книге «Дагестанское единство, история и современность» констатировали: «Русское население Дагестана способствовало социально-экономическому, научно-техническому, культурно-образовательному развитию Дагестана. Тесно связанные со всеми дагестанскими национальностями русские играли роль связующего и одновременно нейтрализующего элемента в межнациональных отношениях региона. Гуманистические идеи русской культуры, русский язык – язык межнационального общения, русские художественные школы, восприимчивость русского человека к обычаям, традициям разных национальностей – служили и поныне служат благодарному делу единства Дагестана. Искренне идя по цивилизованному пути и честно проводя справедливую национальную политику, можно гармонизировать интересы дагестанских народов внутри Дагестана между различными национальностями, социальными группами, политическими течениями, этническими, религиозными и иными объединениями» [6].

В программном документе, «Государственная программа Республики Дагестан «Реализация стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Республике Дагестан на 2015–2017 годы», принятом постановлением от 30.04. 2015 № 129 дагестанским правительством, полностью отсутствует анализ причин, приведших к массовому оттоку русских из Дагестана. Хотя Программа изобилует множеством намерений, планируемых мероприятий с участием Федерального центра, которые, по мнению составителей, позволят решить данную проблему. Ставится задача не только остановить продолжающийся отток русских из Дагестана, но и вернуть их в города и сёла, откуда они эмигрировали. В рамках Программы приняты подпрограммы с дежурными, бюрократическими названиями, «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2015–2017 годы» или «Государственная поддержка казачьих обществ в Республике Дагестан на 2015–2017 годы» [7].

Все эти документы изобилуют выражениями типа «наращивать достигнутые результаты», «усилить внимание», «всячески содействовать возрождению» и т. д., которые на фоне происходящих реальных событий выглядят неадекватными. Анализируя данные формально-правовые действия республиканских институтов власти, хочется

напомнить об одном очень важном для их деятельности методологическом требовании: «...правовая система должна быть адекватна динамике политического процесса и призвана обеспечить правовые формы политической деятельности, соответствующие стандартам правового государства» [8].

Данные негативные процессы, особенно развившиеся в постсоветские десятилетия, по мнению автора, органично связаны с традиционными системами социализации, сложившимися в дагестанских этнических социумах, в которых проходит жизнь всех дагестанцев. Здесь этническая социализация не только выступает базовым элементом воспитания и поведения, но и формирует главные ценностные ориентиры и нормы социализационно-поведенческих процессов. Следовательно, в структуре социально-самоидентификационной матрицы личности дагестанца, безусловно, доминирует этническая составляющая. Поэтому в соответствии с традициями и подходами этнической социализации, детерминирующими дагестанца на протяжении всей его жизни, он всегда (открыто или завуалировано) демонстрирует солидарность, преданность, субсидарность своему джамаату, а через него и всем соплеменникам. Этническое самосознание, его мотивационно-поведенческая функция, сформировавшиеся в данных условиях, определяют восприятие окружающей действительности сквозь призму соответствия или несоответствия потребностям и интересам своей национальности.

С тревогой, обидой, неуверенностью в завтрашнем дне уезжают русские с насиженных мест, от безысходности и страха за жизнь детей, свою жизнь, гонимые лицемерием дагестанского руководства. Число руководителей русской национальности в городах резко снизилось, новые руководители–дагестанцы расставляют на различные должности в министерствах, ведомствах, учреждениях, вузах и т. д. своих соплеменников. Акцентируя внимание на данных сеющих вражду, нездоровую конкуренцию и недоверие между народами негативных явлениях и процессах, М. Гусаев (министр по делам национальностей РД), представитель малочисленного агульского народа (убит в 2003 г.), один из первых в Дагестане получивший из рук В. Путина орден Мужества, самый авторитетный и перспективный член правительства РД в 1990-х – начале 2000-х гг., писал: «Были обобщены сведения о национальном составе кадров в 79 министерствах и ведомствах, организациях и учреждениях республиканского масштаба. Оказалось, что в 35 организациях имеет место существенное преобладание среди работающих представителей одной с руководителем национальности» [9].

Однако, несмотря на то, что данные негативные процессы постепенно набирали силу в дагестанском обществе, практически весь советский период русское население являлось значительной частью этнодемографической структуры Дагестана. Шло масштабное строительство и благоустройство дагестанских городов по европейскому, образцу с широкими тротуарами, многочисленными скверами, парками отдыха, детскими площадками и т. д. Большое внимание уделялось санитарно-эпидемиологическому состоянию городского хозяйства. К сожалению, вся эта цивилизационная инфраструктура городов, особенно столицы, в постсоветские десятилетия была разрушена слившимися с властью криминальными элементами, соплеменниками захвативших власть и ресурсы общества кланов. Массово вырубались зелёные насаждения, вопреки всем строительным нормам уплотнялись незаконными жилыми строениями кварталы городов. В Махачкале, комфортном для жителей в советское время приморском городе, не осталось тротуаров, по которым можно безопасно передвигаться гражданам: все они застроены.

Резкое сокращение численности русских в городах республики, негативный образ региона после развала СССР явились результатом действия множества факторов и событий. «Только у 8 % россиян в 2005–2010 гг. название региона вызывало положитель-

ные ассоциации» [10]. По мнению С.В. Ильяшенко, главным фактором, ускорившим данный процесс, стал рост организованной преступности, криминальных групп, созданных этноджамаатскими союзами, пользовавшимися поддержкой во всех сферах жизнедеятельности общества, в первую очередь правоохранительной и судебной системы. Массовыми стали случаи прямых угроз в адрес русских с целью вытеснения их с должностей и из престижных квартир. Так, в Кизляре, приводит пример данный автор, только 29 % из функционирующих предприятий и организаций возглавляли русские руководители (русские составляли на тот момент в общей численности населения 45 %). В Кизлярском районе в сельскохозяйственных организациях осталось лишь 14 % русских руководителей (при 23 % русского населения) [11]. Приведённая статистика позволяет проследить динамику и конкретные механизмы выдавливания из республики русского населения, являвшегося наиболее образованным, технически грамотным, социально и культурно развитым слоем дагестанского общества. Происходили все эти процессы при полном попустительстве и часто при поддержке властей и правоохранительных органов.

Подтверждением сказанному служит статистика, приведённая на совещании, которое провёл в республиканской прокуратуре в г. Махачкала 30.09.2015 г. заместитель генпрокурора РФ И. Сыдорук. Информация опубликована в статье «Прокуроры об упущениях правовой системы» в еженедельнике «Новое дело» № 38 от 02.10. 2015. Перечисляя недостатки правоохранительных органов, следственных управлений, он отметил, что значительное число преступлений укрывается от учёта и регистрации, только за первое полугодие 2015 г. выявлено свыше 40 тысяч нарушений регистрации преступлений и поставлено на учёт 3500 укрытых преступлений. Прокурорами СКФО за 2014–2015 гг. выявлено свыше 28500 различных нарушений законов в сфере учёта и регистрации и привлечено к ответственности 8300 должностных лиц. Нераскрытыми остаются более 25 % зарегистрированных преступлений. Однако самой распространённой формой укрытия преступлений остаётся незаконный отказ в возбуждении уголовного дела при наличии признаков уголовнонаказуемого деяния, имеются многочисленные факты фальсификации регистрационных и учётных документов, искажающие уголовно-правовую статистику, реальное положение дел в данной сфере. Продолжая перечисление недостатков деятельности правоохранительных органов округа, выступающий констатировал, что за первые шесть месяцев 2015 г. признаны незаконными и отменены 33700 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, по результатам дополнительных проверок возбуждено 2700 уголовных дел.

С оттоком русского населения из городов в них потеряно понимание значения инженерных сооружений, коммуникаций для обеспечения функционирования городской жизни, многие из них были застроены. Криминал и связанная с ним власть скачкообразно обогащались на этих злоупотреблениях. В конечном счёте всё это приводило к всеобщему хаосу, отравлению тысяч людей, к массовым болезням. Сегодня в Махачкале непонятно, где канализация, а где питьевая вода. Стаи бродячих собак терроризируют жителей, в столице загрызли насмерть девятилетнюю девочку. При этом ни один чиновник не лишился своей должности. Власти не несут ни за что никакой ответственности. Складывается впечатление, что «всё давно продано и куплено», чиновники сидят в купленных креслах, постоянно думая лишь о том, как быстрее вернуть свои деньги и ничего (по крайней мере, в республике) не остерегаются. Отсутствие всякой активности со стороны федеральных властей в этом вопросе усугубляет ситуацию.

Пытаясь понять глубинные причины данных проблем, А. Абдулгамидов, известный в республике общественный деятель и журналист, в своей статье «Время мародё-

ров. Кому мешает Эфенди Капиев?», опубликованной в еженедельнике «Новое дело» № 25 от 30.06. 2017, отмечает: «Чиновники ведут себя в Махачкале, как оккупанты во временно занятом городе, – нагло и бесцеремонно. Они сносят памятные кварталы, застраивают парки и тротуары, ставят сомнительные памятники, объявляют видными общественными и государственными деятелями незаметных ещё вчера клерков и переименовывают улицы. Разумеется, при этом мнением общественности никто не интересуется. По сути, местная власть с азартом и без оглядки переписывает нашу историю». Лицемерие властей, по мнению автора, проявляется также в том, что параллельно с принятием программ по возвращению русских в дагестанские города, в них происходит переименование названий улиц, которые в своё время были названы именами выдающихся русских учёных, просветителей.

Данные проблемы нашли отражение в последнем послании Главы республики Р.Г. Абдулатипова Народному Собранию, в котором отмечается, что «особого внимания требует к себе сфера ЖКХ и состояние городской среды. На сегодняшний день износ коммунальной инфраструктуры в городах Дагестана составляет 75–80 %. Предприятия ЖКХ – монополисты предоставляют населению некачественные услуги» [12]. Возмущались по поводу этого хаоса в первую очередь русские люди, такие условия жизни оказались для многих из них невыносимыми и невозможными.

Постсоветский социально-экономический кризис, резкое падение производства, политико-правовая неопределённость вызвали в Дагестане невиданный рост организованной по этническому признаку преступности. В городах создавались связанные с властью и правоохранительными органами, сплочённые этноджамаатские преступные группировки, в которых преобладали стадные инстинкты, жестокость, хищничество. Самыми беззащитными перед ними оказались не имеющие разветвлённой родственной общины, этнической солидарности, так необходимых в новых социально-экономических условиях Дагестана, русские люди, их семьи. Данным обстоятельством воспользовались преступные элементы, инстинктивно атаковавшие тех, кто не может дать отпор. Массовыми стали случаи незаконного отчуждения жилья, другой недвижимости, русские выдавливались с престижных должностей и т. д. Всё это естественным образом привело к ухудшению социального самочувствия русских в городах и усилению их оттока. «По данным социологических исследований на разгул преступности как причину выезда из Дагестана указали 81 % русских, 60 % указали на посягательство на их жильё» [13].

Катастрофически снижается представительство русских во властных, правоохранительных структурах, системе образования и здравоохранения. Русский человек в современных дагестанских городах не может заниматься бизнесом, поскольку не защищён от преступных элементов, органически не связан с теневой, этноклановой экономикой Дагестана. Преследование и увольнение русских происходят в порядке вещей. По данным В республиканском МВД преследование русских является налаженной системой. Подтверждением этих слов служат примеры с подполковником Сергеем Кислицким, незаконно уволенным из органов, избиевание русского врача в Хасавюртовском перинатальном центре. Местные правозащитники не раз докладывали о фактах грубого нарушения прав и интересов русских в Дагестане, выдавливания их с престижных должностей российской Общественной палате [14].

Именно массовый отток русских из городов Дагестана привёл к их деградации, развитию в них доиндустриальной, архаичной, патриархальной, негородской культуры, ущельных этноджамаатских ценностей и образа жизни, норм и традиций, ориентированных на этничность, джамаат, род, клан. Дагестанские города, судя по сложившемуся

здесь в постсоветские десятилетия укладу жизни, типу хозяйствования производят впечатление третьесортных восточных городов, с хаотичными застройками, антисанитарией, разгулом преступности, хотя за указанный период принималось множество программ развития городской инфраструктуры, приоритетных проектов по возрождению промышленности, постройке новых предприятий, заводов, заключались многочисленные договоры о намерениях, назначались ответственные кураторы. Однако реально ничего не делалось, кроме очередных перестановок в правительстве. Министерства, ведомства то многозначительно объединяются, то разъединяются. Идёт процесс, постоянного перемещения людей и должностей, причём без каких-либо внятных объяснений, не поддающийся однозначному осмыслению. При этом в создавшейся суматошной обстановке очень часто отдаются предпочтения, особенно когда речь идёт о значимых должностях, соплеменникам и личным взаимоотношениям. В результате каждой такой перетряски поднимаются новые дворцы очередных «новых дагестанцев», сумевших взойти на вершину власти. Подтверждением сказанному служит информация, просочившаяся в печать (Не брат ты мне // Новое дело, № 38 от 09.10.2015) из прокуратуры республики, об имеющихся конфликтах интересов в двух наиболее ресурсообеспеченных министерствах: Министерстве здравоохранения и в Министерстве образования и науки РД в виде близкородственных связей. Оба министра – ставленники и соплеменники Главы республики Р.Г. Абдулатипова.

В современном Дагестане, русское население абсолютно индифферентно к проблемам республики, не видит перспектив для своего жизнеустройства, трудовой деятельности, профессионального роста. В городах сформировались неприемлемая стадная социокультурная среда и основанная на непонятных для них нормах и ценностях система социальных отношений. По меткому выражению М. Чернышёва – старшего научного сотрудника Института проблем рынка РАН, нормы, правила поведения и ценности, принятые в горных сёлах, стали доминирующими в городах, часто не совпадают с образом жизни русского населения. В дагестанских городах стала преобладать сельская культура. И если говорить о феномене Махачкалы – столице республики, то необходимо констатировать, что она превратилась в типичный агломерат, в котором не город переваривает село, а село переваривает город. Это приводит к тому, что не только русской части населения становится там некомфортно, но и представителям других национальностей – носителям городской культуры, общероссийских, европейских ценностей. Что касается массового возвращения русских в Дагестан, таких перспектив я не вижу. Это популистский шаг, который не может гарантировать русским сохранения своей культуры, традиций, привычного образа жизни в условиях достаточно агрессивной среды [15]. И это, по мнению автора, является закономерным результатом той политики дагестанского руководства, которую оно проводит, начиная с 50-х годов XX века. В. Тишков пишет, что данные негативные процессы в отношении русских в регионе являются результатом организованных кампаний и откровенного попустительства со стороны тех, кто находится у власти [16].

Протокольно-бюрократическая деятельность дагестанского руководства по предотвращению массового оттока и возвращению русского населения существует давно. Однако когда в эту деятельность наряду с правительственными комиссиями включаются представители русских общественных организаций и движений, таких, как «Русь», «Кизлярское отделение Терского казачьего войска», «Русская община» и др., появляются требования и рекомендации, исходящие непосредственно от русского населения Дагестана. К примеру, в 90-е гг. беспредел, царивший в республике, заставил депутатов г. Кизляра, тогда в большинстве своём русских, принять решение не прописы-

вать в городе приезжающих из других регионов людей, дабы не перегружать городскую инфраструктуру и как-то обуздать растущую преступность. Эти ограничения в первую очередь коснулись бы горского населения, безудержно, массово бегущего с гор на равнину. Реализовать данное решение, исходившее непосредственно от русского населения не удалось из-за давления дагестанского руководства и правоохранительной системы [17].

Таким образом, отток русских из дагестанских городов – это вопрос не только миграции, демографии, социально-экономического развития, это гораздо более сложная социально-политическая, культурно-цивилизационная проблема, решение которой может привести, по мнению авторов, к обеспечению общей стабильности, социально-экономическому, политико-культурному развитию дагестанского общества, формированию общероссийского самосознания у дагестанцев всех национальностей. Ситуация усугубляется тем, что для республиканских институтов власти наряду с функционированием вертикальной системы характерна мощная система горизонтальных, неформальных взаимоотношений [18].

Отсутствие общепризнанных подходов в исследовании данного вопроса объективно определяет не только его актуальность, но и определённую неоднозначность восприятия трактовок и характеристик, излагаемых в статье, поскольку они затрагивают интересы большого количества дагестанцев разных национальностей. Однако бесспорным является то, что русский народ сыграл решающую роль в формировании социально-политических основ российской государственности. Русские совместно с другими дагестанскими народами создавали, местную промышленность, современное сельское хозяйство, энергетику, образование, здравоохранение, всю социально-культурную сферу, по российским стандартам строились дагестанские города. Резкое сокращение, в постсоветские годы, численности русских в городах республики, связано в первую очередь, не с общим социально-экономическим кризисом, охватившим всю страну, как пытаются объяснять дагестанские власти, а с разгулом организованной по этноклановому признаку, мотивированной на передел собственности и сфер влияния, пользующейся поддержкой органов власти и управления правоохранительной системой, преступности.

Массовый отток русского населения из республики привел к деградации всех сфер жизнедеятельности дагестанского общества, что в свою очередь угрожает национальной безопасности Российской Федерации на её южных границах, сокращает влияние Федерального центра на реально происходящие в Дагестане социально-политические процессы.

Исследование данных негативных явлений и процессов во взаимосвязи с «русским вопросом», по мнению авторов, раскрывает объективную закономерность, заключающуюся в том, что в периоды увеличения русского населения в республике в ней наблюдаются стабильность, значительный рост социально-экономического, культурно-образовательного потенциала, и наоборот, при его уменьшении – конфликты, незаконные, упадок.

Литература

1. *Фадеев Л.А.* Город в политологическом измерении // Политические исследования. – 2014. – № 1. – С. 178.
2. *Ибрагимов М.-Р.А.* К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. – 1978. – № 2. – С. 93.

3. Адзиев Х., Гасанов Н. Русский вопрос в Республике Дагестан // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 3. – С. 63.
4. Ибрагимов М.-Р.А. Русское население Дагестана и Северного Кавказа во второй половине XX века: проблемы демографического развития // Полиэтническое общество, власть и демократия в России. – М.–Махачкала, 2012. – С. 640.
4. Казенин К.И. Элементы Кавказа. – М.: REGNUM, 2012. – С. 18.
5. Агаев А.Г., Магомедов Р.М. Дагестанское единство: история и современность. – Махачкала: Издательство ДГУ, 1995. – С. 92.
6. Государственная программа Республики Дагестан «Реализация стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Республике Дагестан на 2015–2017 годы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 22 июля 2017).
7. Мирзаев М.А. Политический фактор в развитии правовой системы России // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2016. – Вып. 3. – С. 72.
8. Гусаев М. Национальный вопрос: проблемы и решения // Дагестанская правда. – 08.03.1997. – № 146.
9. Колосов В.А., Себенцов А.Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 149.
10. Ильяшенко С.В. О миграционных процессах в РД // Вопросы статистики. – 2003. – № 3. – С. 59.
11. Послание Главы Республики Дагестан Народному Собранию // Дагестанская правда. – 07.02.2017.
12. Адзиев Х., Гасанов Н. Русский вопрос в Республике Дагестан // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 3. – С. 67.
14. Положение русских в Дагестане [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nnm.me/blogs/vicsd/polozhenie-russkih-v-dagestane/> (дата обращения: 14 апреля 2017).
15. Дагестан без русских и «сельский час» для Махачкалы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://flnka.ru/digest-analytics/2135-dagestana-dez-russkin-selskiy-chas-dlya-mahachkaly.htm> (дата обращения: 12 апреля 2017).
16. Тишков В.А. Русское население республик Северного Кавказа [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru> (дата обращения: 14 апреля 2017).
17. Хинкальные отношения, или почему русские бегут из Дагестана [Электронный ресурс] – Режим доступа: chet-nik.livejournal.com/770332.html (дата обращения: 11 апреля 2017).
18. Саидов А.А. Исламский фактор гражданского общества в политических системах республик Северного Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2016. – Вып. 3. – С. 101.

Поступила в редакцию 30 августа 2017 г.

UDC 321.01:303.446

DOI: 10.21779/2500-1930-2017-32-4-151-160

The outflow of the Russians from Dagestani towns: causes and consequences

A.A. Saidov

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiyev st., 43a; aaah-ma@mail.ru

The article is devoted to a research of a multiple-factor problem of outflow of the Russian population from the towns of Dagestan. Analyzing the stratification changes of social and ethnic structure of the cities, negative sociocultural, economic, legal processes, objective and subjective factors which have led to sharp decrease in the socio-political status of the Russian population, caused his mass outflow, the author draws a conclusion that all this became result of ethnically motivated, proceeding many decades, imperious and administrative activity of the Dagestan leaders. Historically positive uniting role of the Russian population of the republic bringing the international world and progress is shown. The dynamics of quantitative list of Russians in the cities and her connection with social and economic development of the republic is tracked. The impossibility of formation in the Dagestan society without active participation of this segment of social structure of the all-Russian civil consciousness leaning on intelligent images of the general historical, socio-political fate of the autochthonic people of the Russian Federation is also proved.

Keywords: priorities of national politics, Russian question, all-Russian civil self-consciousness, ethnic criminality, ethno-communal solidarity.

Received 30 August, 2017